

ВИКТОР
МАРТИНОВИЧ

Озеро Радости

р о м а н

Самое время!

Виктор Мартинович

Озеро Радости: Роман

«WebKniga»

2016

Мартинович В. В.

Озеро Радости: Роман / В. В. Мартинович — «WebKniga»,
2016 — (Самое время!)

ISBN 978-5-96-911530-9

История взросления девушки Яси, описанная Виктором Мартиновичем, подкупает сочетанием простого человеческого сочувствия героине романа и жесткого, трезвого взгляда на реальность, в которую ей приходится окунуться. Действие разворачивается в Минске, Москве, Вильнюсе, в элитном поселке и заштатном районном городке. Проблемы наваливаются, кажется, все против Яси — и родной отец, и государство, и друзья... Но она выстоит, справится. Потому что с детства запомнит урок то ли лунной географии, то ли житейской мудрости: чтобы добраться до Озера Радости, нужно сесть в лодку и плыть — подальше от Озера Сновидений и Моря Спокойствия... Оценивая творческую манеру Виктора Мартиновича, американцы отмечают его «интеллект и едкое остроумие» (Publishers Weekly, США). На другом берегу Атлантики считают, что «Виктор Мартинович — настоящая находка для европейской литературы» (Радио WDR 3, Германия). Наверняка и российский читатель проникнется симпатией к «новой Скарлетт О'Хара» — она этого заслуживает.

ISBN 978-5-96-911530-9

© Мартинович В. В., 2016

© WebKniga, 2016

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виктор Мартинович

Озеро Радости

Я помню, папа всегда молчал в ответ как Бог.
Виктор Семашко, «ReRa»

Часть первая

Июльский полдень золотой. Гостиная, о степени достатка хозяев которой можно судить по ее исполинским размерам, – а ведь есть еще флорентийский руинный мрамор на панелях стен, напольная мозаика со сценой охоты Геры, аукционные античные капители по углам.

За окнами – волшебный сад, возможно тот самый, который видела через крохотную дверцу одна девочка в английской сказке. За разделочным столиком на барном стуле сидит Дюймовочка. Она одета в нарядное платье, слишком, пожалуй, нарядное для того, чтобы сидеть в нем за разделочным столиком. Рукава ей коротковаты, кружевной воротничок затерся и пожелтел. Возможно, это единственное платье, из которого Дюймовочка пока не выросла.

Девочка сосредоточенно колет острой рапирой айсберг твердого швейцарского сыра, покоящийся на огромном серебряном блюде. Дюймовочка не выглядит голодной, кажется, у нее просто такая игра: терзать сыр, дробить его на кусочки, растирать эти кусочки в мелкую труху.

В глубине интерьера – работающий телевизор. Он выглядит более одушевленным, чем завернутая в халат женщина, полулежачая перед ним в кожаном кресле. По телевизору показывают комедийный стендап – немного похожие друг на друга актеры разговорного жанра смешат публику немного похожими друг на друга шутками. Время от времени раздаются взрывы хохота – зал смеется. Для того чтобы доказать, что зал действительно смеется, что это не интерпассивность записанного много лет назад хохота мертвецов, камера выхватывает сверкающих зубами веселящихся зрителей.

Женщина внимательно смотрит на экран, но никак не реагирует на происходящее. Она вглядывается скорей в телевизор, чем в то, что по нему показывают. От этой ее сосредоточенности, от того, что она не то что не улыбается, но даже, кажется, не моргает, вокруг нее по интерьеру разливается тишина, такая тишина, что она заглушает и телевизионные шутки, и взрывы смеха, и даже механистический стук рапиры об айсберг сыра.

Вот еще. Я могу различить в этой тишине, в ее сосущем характере, величественную поступь аккордов «Сарабанды» Генделя.

Рапира соскальзывает с куска и с грохотом вонзается в блюдо. Дюймовочка бросает быстрый взгляд на женщину, сомнамбулически молчашую в кресле, так что становится понятно: у телевизора – ее мать, и девочка ждет, очень ждет, что та очнется и запретит ей дробить сыр острой рапирой. Мать на звук не поворачивается и Дюймовочка снова сжимает инструмент в руках. Холодная сталь вспыхивает в лучах солнца хирургическим блеском.

Из коридора, уходящего под пролет массивной дубовой лестницы, слышатся шаги. Они приближаются, но все никак не оформятся в человека.

– Такой вопрос, – спрашивают из темноты.

Ни девочка, ни мама не поворачиваются. Они как будто приучены не подавать голоса в этом доме.

Из коридора выныривает человек. Он одет в синюю робу и усы брата Марио. В телесной конституции он как-то коротковат, как будто дизайнерская студия специально выпустила его для интерьеров класса «люкс», дабы своим пребыванием рядом с альковами и прочими

местами, где обретаются полуобнаженные нимфы, он не распял ревность владельцев альковов и полуобнаженных нимф. Мужчина функционален, он весь – как стоящая в углу и ожидающаяся, когда ее разложат, стремянка.

– Хозяюшка? – спрашивает он, пытаясь понять, есть ли в гостиной люди. Видно, что это не первая комната дома, в которой он ищет хозяйку.

Женщина продолжает молчать. Дюймовочка сосредоточенно колет сыр. Мужчина выходит из-за лестницы и обнаруживает сидящую перед телевизором. Он улыбается и начинает тараторить:

– Ах, вот вы где! А тут заплутался чуткенцию. Хожу, хожу, уже и на третий этаж поднялся, и в цоколь заглядывал, а вы, значит, тут себе молчите, ну что ж, бывает, и помолчать хочется, видно сиеста у вас, да? Полуденный отдых, как в Испании! Я недавно в Испании был, так у них...

Он умолкает. Ни девочка, ни ее мать не обращаются на его слова. Он меняет тактику:

– Я спросить хотел, по интерьеру... Просто совет нужен, как делать, потому что непонятно. Потому что можно и так, и так.

Женщина заметно напрягается, но не поворачивает головы и продолжает смотреть в телевизор. Брат Марио теряется, он не может понять происходящего. Он вглядывается в детали этой сцены, и мы буквально видим, как работает мозг: его глаз замечает, что женщина полужележит на хозяйском кресле, так что это не прислуга, он отмечает, что рядом с ее рукой лежит пульт и что кожа подлокотника протерта, так что телевизор она смотрит тут не первый месяц, она не гость, не гость. Наконец, он замечает на безымянном пальце ее руки обручальное кольцо, узнает его и подходит вплотную к женщине, застывая в шаге от нее.

– Хозяюшка! – весело и уверенно обращается он. – Извините, что отрываю! Я говорил там, вопрос есть, спросить.

Женщина медленно поворачивает голову к нему, но ее взгляд останавливается где-то за его спиной, так что профессиональная привычка брата Марио заглядывать прямо внутрь человека, чтобы понять, как ему будет лучше, что ему понравится больше, дает осечку.

– Что вам нужно? – тихо спрашивает «хозяюшка».

– В эркерах южного крыла ламбрекен делаем со свагой или жесткой панелью? – тараторит он.

– Что? – переспрашивает женщина.

– Эркеры! Южное крыло! Там хозяин ламбрекен утвердил. Так вот, его со свагой делать? Или проклеенной жесткой панелью?

Женщина растерянно пожимает плечами.

– А у хозяина самого нельзя уточнить? – нетерпеливо переминается рабочий.

Смотрящая телевизор поворачивается в сторону белой массивной двери, в которую упирается лестничный пролет на втором этаже, и торопливо отвечает:

– Нет, хозяина тревожить нельзя.

Брат Марио растерянно крикает. В его мире не бывает такой степени занятости, которая не позволяет решить вопрос со свагой на ламбрекене. Он стоит некоторое время, покачиваясь вперед-назад, как будто ожидает, что «хозяюшка» все-таки отгадает и позовет владельца дома. Наконец предлагает:

– Ну тогда давайте решать сами. Своими, так сказать, умственными силами. Организуем свагу? По мне, так красиво будет. Такая, знаете, расслабленная динамика.

– Давайте делать свагу, – равнодушно отвечает женщина. – Если красиво.

– Хм! Кабы все так просто! – Мужчина еще больше оживляется. Он выглядит как человек, который рассказывал анекдот и вот сейчас подошел к его кульминации. Сейчас станет смешно. – В том и затык, что там ламбрекен идет по нижней кромке, у вас же там лепнина, и

если делаем симметричную свагу с провисом, тогда центральная створка цеплять будет. Понимаете? Цеплять! Фурнитурой по жаккарду!

Он чуть в ладоши не хлопает от того, как точно описал заминку. Третий этаж тем временем оживает – над головами разговаривающих слышатся мелкие птичьи шажки.

– Тогда давайте без сваг. – Смотревшая телевизор поворачивается в сторону шагов. Видно, что они занимают женщину больше брата Марио, больше разговора о ламбрекене и даже больше того сарабандового молчания, которое источает белая дверь в конце лестничного пролета.

Шажки сверху ускоряются, на лестницу слетает их обладательница. Шелковое платье в алых маках перехвачено по бедрам полотенцем, между пальцами ног торчат ватные тампоны: девушке делали педикюр. Разрез ее глаз скальпельно-острый, о ресницы можно порезаться. У нее узкие тонкие губы, разогретые до красноты помадой. На эти губы хочется подуть, чтобы они остыли. Она вся натянута, как высоковольтный провод, всмотришься – и различишь голубоватое электрическое свечение под кожей. Маленькая грудь ходит под платьем так, будто наверху девушка была занята совсем не педикюром. Красавица застывает на площадке лестничного пролета, у белой массивной двери. Дверь прикрывает ее спину как щит, еще больше подчеркивая хрупкость фигуры. Она значительно моложе «хозяйюшки». Красавица растягивает полыхающие помадой губы в широкую, но не ровную улыбку и спрашивает таким голоском, каким барышни на всякий случай уточняют у возлюбленных, действительно ли те их любят:

– И что тут происходит, не поняла?

«Хозяйюшка» молчит и теребит пульт от телевизора. У нее пухлые и не очень красивые ладони. Брат Марио разводит руками, а потом озадаченно хлопает себя по бедрам. Он еще раз всматривается в обручальное кольцо сидящей в кресле, потом переводит взгляд на маленькую грудь, тонущую в алых маках. Дюймовочка принимается колотить сыр с остервенением – она вонзает рапиру прямо в центр айсберга и тянет на себя обеими ручками.

– Что тут происходит, я спрашиваю? Что это ты тут раскомандовалась? – Красавица театрально обводит зрителей взглядом.

Она спускается по лестнице – спина прямая, плечи назад, с носка на пятку, с медленным покачиванием на мыске, как по подиуму. Полотенце развязывается и соскальзывает на пол, но она профессионально не обращает на это внимание. Пожалуй, она похожа на Минерву – в том виде, в котором ее могут имитировать в ночном клубе перед началом эротического шоу.

Минерва обходит парализованного Марио и продолжает свой речитатив:

– Тебе что сказали? Где твое место? Во флигеле твое место! Во флигеле! И входить со двора! Чтобы людям жить не мешала! Машину тебе оставили, флигель тебе отвели – живи, молись! Радуйся!

Молчание женщины распаляет Минерву по тому же военному закону, по которому бегство врага заставляет оборонявшуюся армию пуститься за ним вдогонку:

– Пожалели тебя – спасибо скажи! Спасибо людям скажи! Не развелся что – так это от нехватки времени! Так что сиди, молись! Во флигеле! И свою эту... – Красавица долго не может подобрать слово для обозначения девочки и в результате выдает нечто не вполне подходящее: – Эту прошмандовку свою, свою прошмандовку эту малую при себе держи! Чтобы из флигеля не высывалась!

Дюймовочка дробит отвалившийся от глыбы сыра кусок быстрыми сильными ударами. Рапира зажата в кулачке, девочка полностью сконцентрирована на серебряном блюде и, кажется, не слышит, как взрослые ссорятся. Женщина, смотревшая телевизор, в библейской надежде повернула голову к белым дверям, венчающим лестничный пролет. По ее щекам крадутся вниз два влажных ручейка.

– Еще раз тут рот раскроешь – я тобой займусь! Поняла? Отложу все и займусь! Дам под жопу – полетишь в панельку в Малиновке! Тридцать квадратов, до метро шесть остановок!

Поразительно, как красавица умудряется выкрикивать это, не сильно повышая голос, сохраняя его хрустальную певучесть. Сцена все больше озаряется некой глобальной неправильностью, собственной невозможностью, как тот момент во Второзаконии, где Бог обращает жену Лота в кусок соли только потому, что та обернулась посмотреть, как силы небесные зачищают Содом и Гоморру. И «Сарабанда» Генделя слышна все сильнее. Брат Марио прикинулся статуей. Зрачки его приобрели квадратность и неподвижность компьютерного пикселя.

Женщина в кресле размазывает ручейки по лицу тыльной стороной ладони. Ее тело неподвижно, а движения медленны.

Минерва усмехается:

– Или, может, думаешь, любит он тебя? Или любил когда-нибудь? Женился тогда еще, чтобы в Совмин на должность взяли! А сейчас просто нельзя разводиться, ему это репутацию спортит! Он же председатель комиссии этой! Жалеем тебя, как собачку, а ты на шею лезешь! Вали давай в свой флигель и сиди там! И эту выблядь мелкую с собой пакуй!

Дюймовочка положила ладонь на блюдо и с размаху долбит ее отточенной, перепачканной в сырных крошках рапирой. Ее лицо и волосы – в липких брызгах. Ее глаза сухие, на губах – ни гримасы, ни улыбки. Она, кажется, не замечает, что перешла с сыра на себя. По блюду из вскрытой руки растекается медленное вишневое варенье.

* * *

Детская спальня, плывущая в сумерках. Повернувшись на бок, в кроватке спит Дюймовочка. Правая ладошка под щекой, левая рука свешивается, обнажая – нет, не бинты, бинты давно уже сняты, на коже остались только белесые росчерки. Некоторые шрамы похожи на тире, в других можно узнать силуэт летящей птицы. Шепнув платьем, в комнате появляется мама. Ее волосы убраны в узел, обнажая высокий затылок и тонкую шею. На лице все то же бесстрастное выражение, только глаза как будто ушли в глазницы глубже, а уголки губ приспустились – лаконичные добавления, в которых можно прочесть многое.

Она неслышно садится на кроватку, в ногах у Дюймовочки. Она зажигает ночник на столике в изголовье. Сейчас ее ладони совсем не кажутся пухлыми. Ночник пришел как будто из другой эпохи, когда вкуса и красоты в доме было ощутимо больше. Он выполнен из брабантского разноцветного стекла art nouveau в форме волшебного дерева. Маленькие детали – такие, как уровень проработки ствола, или то, с каким тщанием выведены лица у фей, сидящих на ветвях, – выдают в нем вещь скорей из музея, чем с немецкого блошиного рынка. Ночник накрывает кроватку и столик узором разноцветных пятнышек.

Мама подтыкает одеяло так тщательно, будто пытается отдать дочке последнее остающееся в сердце душевное тепло. Она сидит без движения, пока за окном не начинает светлеть. Тогда женщина наклоняется к дочери и гладит ее по волосам, закладывая выбившиеся на лицо прядки за ухо, – все это без видимой нежности, пребывая в уже знакомой нам сомнамбулической остановленности. Оттого сцена выглядит печально и слегка потусторонне, как общение призрака с тем, кто был ему дорог при жизни. Затем она подходит к двери и смотрит на спящего ребенка, долго, долго, слишком долго для живого человека – прежде чем выскользнуть прочь. Ночник остается включенным.

* * *

Из двора за высоким забором, непроницаемость которого для глаз акцентирована рядом высаженных голубых елей, выныривает большой белый автомобиль. Ключкообразный значок «Лексуса» на нем позолочен – так же, как лебедка и диски массивных колес. Он производит

впечатление гигантского ювелирного украшения, которое, вместо того чтобы мирно носиться на шее или в ушах, вдруг разросло и всосало внутрь себя тех, кого призвано было украсить.

За рулем сидит Минерва, источающая Перуново настроение. Она бренчит браслетами, которыми забраны ее руки, берет с места и тормозит так, будто пытается вызвать нервный срыв у своей машины. Злится в ней, кажется, вообще все. Даже запах туалетной воды. Еще чуть-чуть, и волосы на голове зашевелиятся и превратятся в змей. Сзади, затерявшаяся среди сумок и пакетов, испуганно молчит Дюймовочка.

Вырулив с аллеи, ведущей к дому, Минерва разгоняется – джип прыгает по ухабам и ямам как волейбольный мяч.

– Вот ведь Тарасово! – мизантропически восклицает водительница. – Десять соток стоит как трéха в центре, а дорог так и не построили! Зачем дороги? У нас ведь тут, твою мать, феодализм! Каждый сидит в замке, со стеной и рвом! В магазин ходят слуги, а хозяева сплошь на вертолетах с полным приводом! Ты как там, малая? Не ушиблась?

Дюймовочка насупленно качает головой. И спрашивает:

– Тетя Таня, а почему папа меня не повез?

– У папы сегодня коллегия, – резко отвечает Минерва.

– А почему эта Коллегия не отпустила папу меня в интернат завезти? Он же обещал!

Тетя Таня резко бьет по тормозам, джип останавливается, слаломистом проскальзывая на смешанной с глиной щебенке. Водительница поворачивается к девочке и кричит:

– Я еще раз повторяю! Тебе, малая, повторяю! Запомни раз и навсегда! Мы тебя не в интернат сдаем! И не в детский дом, как ты говорила, чтобы папу разжалобить! Ты ж вообще головой своей думай! Ты знаешь, что такое интернат? Там беспризорники, менты, социальные педагоги и клопы под обоями! Знаешь, как сложно было выбить, чтобы тебя взяли? Знаешь?

Девочка испуганно кивает, показывая, что знает, как сложно было выбить.

– Давай, произноси сама, как называется, куда мы сейчас едем! Давай! На память!

– Санаторно-лесная школа для детей с заболеваниями дыхательных путей, – послушно выдает девочка.

– А почему мы эту школу выбили для тебя? Почему? – настаивает тетя Таня.

На этот вопрос Дюймовочке ответить сложнее. Кажется, она не уверена, нужно ли ей в принципе ехать в санаторно-лесную школу. Наконец, она пробует:

– Потому что я плакала и не могла остановиться?

– Нет, Яся! – набрасывается на нее тетя Таня. – Вот ни хрена не поэтому! А потому что ты, когда долго плакала, начала задыхаться, помнишь? Тебе было тяжело дышать, помнишь? Это называется «астма»! Болезнь такая! Ее нужно лечить в стационаре! В полном! Иначе ты не сможешь дышать и умрешь. Мы тебе жизнь спасаем! И здоровье! А не как ты говоришь!

Джип снова резко рвет с места и мячиком прыгает мимо замков и высоких ворот, и снаружи даже можно подумать, что в нем едет счастливая семья. Тетя Таня включает радио, и из динамиков льется простенькая мелодия, вернее даже не мелодия, а ее бледная тень, на которую наложена одна-единственная, внезапно такая пронзительная для двухтактной попсы, строчка: «А мне бы просто снегом стать». И Ясе очень хочется превратиться в снег, в белые пушистые снежинки, и улететь прочь из этого автомобиля, из этого города, из этой жизни – наверх, в черноту космоса, к замершим в форме созвездий снежинкам.

* * *

В санаторно-лесной школе лучше, чем она предполагала, и уж точно не хуже, чем было дома перед отъездом. Тут есть столовая, в которой пахнет котлетами, есть учебные классы, в которых пахнет ведром и половой тряпкой, тут есть кусок елового леса, в котором пахнет ело-

вым лесом – туда можно ходить искать жуков-пожарников. Тут есть бассейн без воды, истребитель без плексигласового фонаря, с вывороченной начинкой кабины, кинотеатр без кресел и проектора, флагшток без флага. Тут есть заброшенный профилактический корпус, в котором уже не проводят профилактики из-за того, что развалился какой-то Союз. Когда Ясе становится тоскливо, она представляет, что на самом деле ее тренируют для полета в космос на сделанном как будто из фольги истребителе, и тогда жизнь обретает осмысленность.

Ей нравятся палаты, заставленные койками с колючими одеялами, где по рыжим пескам бредут белые верблюды. Нравится фактура матрасов и санитарная белизна выдаваемых раз в две недели проштампованных простыней. Нравится, что возле каждой койки стоит тумбочка, в которую дети складывают передачи, а она – свой гербарий, свои камешки и шишки, свои каштаны и цветные стеклышки.

* * *

В пятницу с восемнадцати до двадцати – приемные часы или, говоря человеческим языком, «забор». Возле проходной у ограды собираются все младшие классы и спорят, за кем приедут первым. На шлагбаум облакачиваться нельзя, за попытку прокатиться на нем лишают полдника даже отличников. Особенно удачлив Олег Бувевич – его родители работают неподалеку, в поселке Сокол, а потому появляются без пятнадцати.

Они всовывают нос машины под шлагбаум, захлопывают дверь за впрыгивающим на ходу Олегом и дают по газам, разворачиваясь и уносясь прочь, к свободе, к маминой запеканке и папиной игровой приставке (и о первом, и о втором будет много разговоров в понедельник). Все это – до того, как ленивая стрелка шлагбаума успеваешь подняться и застыть в зените. Потом спасающие и спасаемые мельтешат перед глазами, как верхушки деревьев, когда катаешься на плохо сбалансированной карусели, установленной за бассейном. Карусели, раскрутить которую можно только вдвоем, сидя друг напротив друга, иначе она скребет креслами по песку.

Последней везет Верке Рыбаковой, за которой в половину восьмого приходит одышливая косолапая бабуля с остановки семьсот шестого. К моменту появления старой медведицы Верка успеваешь разувериться в своем спасении и с такой радостью кивает Ясе на прощанье, что той хочется, очень хочется прикинуться кем угодно – хоть Веркой, хоть ее едва переставляющей ноги бабушкой, лишь бы свалить за пределы Санаторно-лесной школы. Они скрываются за соснами, и Яся остается у шлагбаума с чувством, что она проводила всех своих в армию, замуж или на Марс. Позже, практикуясь в метафорах, она уточняет ощущение: все умерли, она – последняя на Земле. Ощущение апокалипсиса становится особенно сильным когда она проходит мимо карусели, на которой невозможно кататься в одиночку. Еще позже, среди вымерших корпусов, в пустой палате, рассчитанной на шестерых, она убеждается: нет, умерла как раз она, все остальные – живы среди живых. И воскресенье произойдет утром понедельника.

– Можно я пройду с вами? – предлагает она однажды медведице.

– Куда? – пугается старуха, увлекая Верку за руку – так, будто они две красавицы, за которыми после дискотеки увязался алкаш.

– Только до остановки семьсот шестого! – обещает Яся, втайне надеясь, что ее посадят в автобус и заберут на выходные в берлогу, угостят медом и варениками.

– А у тебя что, своих родителей нет, девочка? – спрашивает старуха строго. Как можно быть такой вредной, непослушной школьницей, без родителей!

– Нету, – честно отвечает Яся. – Только папа и тетя Таня.

Медведица некоторое время обдумывает эту мысль, делает несколько шагов прочь от шлагбаума, затем останавливается, оборачивается и переспрашивает не менее строго:

– А чего папка тебя не забирает на выходные?

– Потому что у него есть тетя Таня. – Ясе удивительно, что взрослый человек может не понимать таких простых вещей.

Старуха вздыхает, отходит от ограды еще дальше, затем останавливается и бросает через плечо:

– Храни тебя, девочка, Царица Небесная и Земная.

Яся волнуется:

– А кто это – Царица Небесная и Земная?

Однако старой медведице с внучкой нужно спешить на автобус. Последний семьсот шестой, вы же сами понимаете. Яся выбегает за ограду, хотя это делать запрещено, и кричит свой вопрос в шерстяную спину медведицы:

– А она добрая?

– Самая добрая, – уверенно отвечает бабуля, не останавливаясь. – Она всех жалеет, кого больше некому жалеть.

– Как мама? – спрашивает Яся, но ей уже не отвечают.

* * *

Самое интимное место в лесной школе – библиотека, где пахнет крашеными полами и книжной пылью, а посетителей не бывает совсем, ибо кому интересно нюхать пол и пыль, когда рядом еловый лес. Ясе нравится ощущение моментального перемещения в другой мир, которое дарит соединение писанных букв в слова: проходишь сквозь портал чужого воображения, и именно там, внутри Кэрролла, Мавра или Купалы, отныне разворачивается твой внутренний диалог, что делает его защищенным – не только от окружающих, но и от тебя.

В библиотеке значится библиотекарша, похожая на портрет Крупской, но библиотекаршу можно не принимать в расчет, так как она все время занята сосредоточенным переворачиванием страниц газеты «Жизнь» и тем, действительно ли у Валерия Леонтьева есть жабры. Она, как дракон, который сидит на сокровищах, но питается жабами.

Книгам про путешествия отведена отдельная полка. Яся выдергивает из частокола корешков пожелтевший, с манящим названием «За моря, за океаны». Старомодно выполненная обложка изображает корабль, который пятьдесят лет назад сошел бы за мечту подростка, погнавшись за которой тот мог закончить беспросветной шестилетней службой на советском линкоре.

Шрифт, заставляющий задуматься об автомате с газировкой, сообщает, что автор «заморей» – Степан Звенящий. В аннотации говорится, что он является «не только журналистом-международником газеты “Известия”, стипендиатом ВПШ и обладателем почетной грамоты “За правду и объективность в освещении XIX съезда ВКП(б) – КПСС”», но и «пристальным летописцем приключений, через которые прошла команда крейсера “Верный” на полном опасностей пути к Гаване». Яся раскрывает книгу на середине, и Крупская, газета «Жизнь» и жабры Валерия Леонтьева остаются в другом королевстве.

Море полыхало багрянцем заката, когда с кормы раздался крик одного из матросов: внизу, беспомощно дрейфовала шлюпка, с которой, увидев над «Верным» советский флаг, яростно жестикулировали их спасать. Мы подняли на борт нескольких истощенных бедолаг, одетых в жалкие обрывки тельняшек и, как это явственно просматривалось на их лицах, не евших уже несколько дней. Все они были неграми. В процессе разговора выяснилось, что их зафрахтовала крупная французская фирма, перевозящая уголь. Они бросили семьи и детей, чтобы, погнавшись за длинным долларом, уйти в рейс, а вернувшись, купить детям велосипед, выхлопотать место в университете. Как часто это бывает, контракт оказался кабальным,

денег не то что не платили, но даже кормить стали не в достаточной мере. Преследуемые страхом голодных болезней, моряки решились на отчаянный поступок: ночью, когда капиталисты спали, сняли с кронштейна спасательную шлюпку, спустили ее на воду и устремились на веслах через воды Юкатанского пролива в сторону Кубы в надежде, что их спасут. Вы бы видели, как расплылись они в улыбках, когда мы пригласили их в камбуз и Петрович наплюхал им по два черпака ароматных, дымящихся паром макарон с мясом. Один из них, однако, так и остался лежать на палубе. Когда у него спросили, почему он лежит, а не ест ароматные макароны с мясом, тот знаками показал, что ему нездоровится, сильно болит живот. Бедняга весь горел, крупные как горошины капли пота стекали по подбородку. Мы сразу поняли, что у него гнойный аппендицит. Нужна была срочная операция. Капитан приготовился вызвать катер, который доставит больного в кубинский госпиталь. Но когда негр услышал слово «доктор», глаза в его орбитах завращались. «Ноу доктор! Ноу доктор!» – кричал он и страшно трясся всем телом. Тотчас же пришел наш корабельный специалист по переводу и начал терпеливо выяснять, почему негр отказывается от госпитализации. Оказалось, что тот вообразил, будто в больнице с него возьмут денег. Мы обступили моряка и дружно рассмеялись. «В советских больницах не нужно платить денег за помощь!» – «Вообще?» – уточнил негр. «Вообще!» – уверили мы его, и тогда, чтобы его вполне успокоить, мичман взял гитару и начал петь песню «А когда на море качка и бушует ураган», после чего все пустились в пляс.

«Какая глупость! Не может быть в мире мест, где нужно платить за то, чтобы тебе спасли жизнь», – хмыкает Яся и откладывает книгу. Она приходит к выводу о том, что нельзя верить обладателям почетной грамоты «За правду и объективность в освещении XIX съезда ВКП(б) – КПСС». Так Яся впервые сталкивается с политикой.

* * *

На плановом медосмотре главврач Степан Николаевич, похожий на доктора Айболита, которого сильно обидели спасенные им звери, интересуется, как часто Яся пользуется ингалятором. Она спрашивает: «Что такое ингалятор?». Айболит начинает кричать, назначает проверку. Спирометрия не выявляет похожих на бронхиальную астму аномалий. Степан Николаевич кричит еще громче, требует немедленного перевода в обычную среднеобразовательную школу по месту жительства. Ясю вызывают к директору и вроде даже действительно готовят к выписке. А потом что-то случается, громкий Степан Николаевич притихает и начинает при виде Яси жаться к стеночке и отводить глаза. А потом он сам куда-то девается – видно, за ним все-таки приходят спасенные им звери, – и в санаторно-лесной школе появляется Лариса Евгеньевна, полноватая, добрая и полностью согласная с Ясиной астмой.

* * *

Иллюзии – плохой корм для надежды. Мечта растет обещанием перестать быть мечтой. Папа появляется у шлагбаума дважды, иначе проходная совсем перестала бы интересовать Ясю. Первый раз, на какой-то ранний день рождения, он привозит ей книжку-раскраску с китами. Раскраска довольно бесполезна, так как огромные китовьи туши приходится однообразно зарисовывать синей ручкой.

Второй раз он приезжает не один, а с фотографом и высушенной загаром до состояния мумии женщиной (не тетей Таней), которая сразу вручает Ясе черный бумажный пакет с надписью «MANGO MNG». В пакете – платье. Женщина вдевает Ясю в платье, закрепляет булав-

ками слишком длинные гофрированные манжеты (с размером не угадали), больно расчесывает волосы, сетуя на то, что «без лака не лежат». Потом она командует «улыбаться», «изобразить астму» и «сделать кошечку». В лицо светят лампой, закрепленной на фольге, Яся узнает новое слово «диссипатор». Папа смотрит на часы, когда их не фотографируют, и не смотрит, когда фотографируют. Потом все заканчивается, женщина и папа прыгают в большую черную машину и уезжают, а фотограф долго ждет такси, ходит туда-сюда перед проходной и говорит плохие слова.

Оба раза папа не забирает ее с собой на выходные. Во второй раз оставляет платье. Через год его манжеты перестают быть слишком длинными.

Яся надевает платье каждый раз, когда выходит к «забору». Воспитательницы и учителя смотрят на нарядную девочку то ли с завистью, то ли с презрением и почему-то увязывают исполнение ее мечты с какими-то «выборами». С шести до семи – самый пик визитов. После семи забирает меньше. В мечтах Яси папа приезжает на белых лакированных лимузинах, на черных «плимутах» и «крайслерах», катается с ней на карусели, потом обнимает ее при всех детях и говорит им: «Это – моя дочка». А потом он приглашает ее в авто и увозит из санаторно-лесной школы навсегда.

В девять шлагбаум закрепляется на стойке в положении «закрыто», а въездные ворота автоматически перекрывают проезд, и это сонное выдвигание красной металлической решетки гарантирует механическое отсутствие папы еще семь дней.

Однажды после очень ветреного дня, перевернувшего стенды наглядной агитации и разметавшего содержимое мусорных баков по территории школы, из обшитой сайдингом будки с тонированными стеклами, стоящей у шлагбаума, выходит дядя.

Дядя одет в джинсы и ковбойку, он очень взрослый, на вид ему лет двадцать, а это старше Яси на целую Ясину жизнь. Он вглядывается в девочку пристально, и Яся думает, что дядя сейчас ее будет ругать: после восьми, когда официально заканчивается «забор», ошиваться у входа запрещено. Однако дядя не ругается, он садится на корточки, заглядывает в глаза и спрашивает с редким для этого заведения участием:

– За тобой что, никто не приехал, маленькая?

Яся качает головой. У дяди серые добрые глаза, пушистые ресницы и над бровью – крохотный шрам в форме чайки. Девочка хочет показать ему птиц на своей левой руке, но стесняется.

– Когда все уехали, на карусели не покружишься. Она в землю скребет, – делится она вместо этого своей житейской мудростью.

– Не беда, пойдем, я тебя повращаю, – усмехается дядя, берет ее за руку и ведет прочь от ворот.

Он кажется ей очень важным человеком, если может вот так спокойно покинуть свой пост в обшитом сайдингом домике у ворот, раз предлагает кататься на карусели за час до отбоя, когда уже загорелись фонари и скрежет железа может разбудить вахтера или кого-нибудь пострашней.

– А ты тут директор? – спрашивает Яся.

– С чего ты взяла, дуреха? – смеется дядя. – Я – студюзус, последний филомат среди Филаретов. Бьюсь лбом о гранитную парту истфака, но парта не отвечает взаимностью. Обещали за успехи в постижении ВКЛ к третьему курсу на бесплатное перевести, но не перевели. Приходится подрабатывать истуканом. От Минска близко, вот и езжу.

Он сажает ее на карусель, устраивается напротив, чтобы уравновесить неустойчивую платформу, и начинает раскручивать агрегат, похожий на ржавый советский волчок. Он хватается за круг, находящийся на уровне груди, и тянет его на себя, в результате чего конструкция издает скрежет поворачиваемой танковой башни. Яся помогает ему, на ладонях остается высохшая и отстающая от металла краска, так что становится даже ясно, какой это танк – тот

самый миллион раз крашенный Т-34 возле Дома офицеров в Минске. Пластмассовые сиденья неудобные, карусель наверняка потеряла половину своих подшипников и движется натужно, рывками, Яся не попадает в ритм движения, и металлическое кольцо больно бьет ее по рукам. От нарастающей скорости ей становится дурно – с детьми они никогда не разгонялись так сильно, в ушах свистит ветер, а рот полон разметавшихся волос. Ее вжимает в сиденье, ее подташнивает, фонари мельтешат перед глазами, она смотрит на дядю – единственный недвижимый объект в поле зрения, – смотрит на него и думает, что ей необъяснимо хорошо, хотя должно быть беспокойно – какой-то незнакомый человек делает то, что до сих пор не сделал для нее отец. Но она видит, что дядя добрый и что он смотрит на нее так, как смотрела когда-то только мама – с теплом и заботой. И когда наконец дядя останавливает карусель, ей хочется, чтобы он предложил встретиться тут завтра снова, и чтобы они стали друзьями, и чтобы она показала ему свою коллекцию сосновых шишек и найденный редкий каштан в форме облака.

Но Студиозус вздыхает и говорит:

– Тебе нужно в койку, а мне – обратно на пост, иначе фон Лепель премиальные зажмет и придется отказывать себе в самом ценном – в вине, без которого драматичную историю ВКЛ не постигнешь. Про таких, как фон Лепель, Томас Урбан правильно написал: жена полковника, хотя сама могла бы быть полковником.

– А кто такая фон Лепель?

– Это истинное имя директора нашего Дома отдыха, – усмехается дядя.

– А Студиозус – это твое имя?

– Нет, скорей должность.

Так Яся поняла, как нужно звать человека, отвечающего за шлагбаум: студиозус входных ворот. Про шрам над бровью она соображает сама: набил о непонятную гранитную парту истфака.

Они прогуливаются под фонарями, и деревья дышат ночной прохладой, и стрекочет цикада, и липы пахнут так, как они пахнут только в детстве, когда ночь – настоящая ночь, пристанище гномов и светлячков, которые кажутся созданиями из одной сказки. Ей кажется, что у человека, который знает выражение «драматичная история ВКЛ», можно спрашивать все, что угодно, что он вроде умного филина из мультфильма про Винни Пуха; он вроде говорящего Сфинкса, знающего все отгадки, – ему подвластно прошлое, настоящее и будущее. И Яся задает вопрос, мучивший ее давно:

– А почему маму хоронили в этом шерстяном свитере с горлом? И что значит «слабое сердце»? Разве сердце может быть «сильным»? Оно же мягкое!

Студиозус перестает идти. Потом садится рядом и снова заглядывает ей в глаза. Чайка взлетела очень высоко, вместе с бровями она оказалась на самом верху его лба. Девочка терпеливо объясняет:

– Просто мама же не любила этот свитер. Он ей кололся в горло. Там высокое горло. Почему тетя Таня и папа похоронили ее в нем? Ей же будет всегда плохо! Это специально, да?

И Студиозус вдруг обнимает ее и прижимает к себе, накрыв ладонями. Ясе почему-то хочется заплакать, хоть тетя Таня и сказала, что когда плачешь по маме, появляется астма. Губы у Студиозуса плотно сжаты, глаза блестят.

– Всем нам не хватает одного. Всем живущим здесь, – говорит он с запалом. – Тебе, мне, любому! У нас как-то глобально не получилось с радостью. Горя полно, равнодушия, зависти, всякой мелкой черной дряни – хоть отбавляй. Причем – что сейчас, что после Кревской унии... А вот радости – чистой радости, такой, какой должна быть в детстве, – тут нет даже у детей! Посмотри на их лица! Я расскажу тебе историю, маленькая, – доверительно сообщает Студиозус. – Когда тебе будет снова думаться о маме, ты вспоминай эту историю, ладно? Так вот. Посмотри туда! – он показывает в небо, где, очевидно более яркий, чем фонари, висит желтый диск. – Видишь справа на Луне пятнышко, похожее на выщерблинку? Его легко заметить, оно

темней всех остальных. Это – Море Ясности. На его нижнем берегу, выше и левее Моря Спокойствия, находится Озеро Радости, или *Lacus Gaudii*. Добраться до него очень просто – нужно сесть в лодку и плыть от Озера Сновидений по диагонали, но главное не спешить и не сбиться с дороги, ведь так ты попадешь в *Lacus Doloris* – Озеро Печали, откуда очень сложно выплыть, так как в печали вязнут весла, и тебе постоянно хочется спать и опускаются руки. Запомнила?

Девочка кивает: по диагонали от Озера Сновидений.

– А где я достану лодку на Луне? – морщит лоб она.

– На Луне все передвигаются только на лодках, ведь ее поверхность – сплошь моря, заливы и озера. Видишь вон там темный мысок? Это – Залив Любви в Море Спокойствия. А с краешка, на востоке, крохотная точка – Озеро Лета. Вот тут – Озеро Нежности, а на темной стороне – Озеро Одиночества – туда, на темную сторону, отправляются те, кто больше не хочет никого видеть.

– А что там делать, в Озере Радости?

– В нем можно купаться, в Радость можно нырять с головой с лодки, а еще можно расставить палатку, зажечь костер, устроиться в гамаке и слушать, как Радость плещется о берега.

– А много там Радости?

– Ее хватит на всех. На всех нас! Озеро – сто километров в длину!

– Это как Минское море?

– Больше. Намного больше!

Яся мечтательно молчит.

– А какая она, Радость, в этом Озере? – спрашивает она наконец.

Студиозус думает, трет себе шрам над бровью.

– Она – как кисель. Синий сладкий кисель. Ты заходишь в нее с берега, и она принимает тебя на свои ладони. Ты ложишься на спину, а над тобой – космос.

Девочка пытается представить себе, как это – скользить на спине по кисельным волнам Радости и глядеть на созвездия. Вокруг – тишина и мерцание Млечного Пути.

– Это – рай? – спрашивает она.

– Нет, – он качает головой. – Райа больше нет, в него верят лишь ортодоксы. Рай – это Бог и ангелы. Тут же – Радость. Ни боли, ни тревоги, ни страха. Радость и счастье, другой берег Печали. Я не хочу в рай. Я хочу качаться на волнах Радости и смотреть на звезды.

На прощание он говорит ей «до завтра», но, конечно, она не решается прийти к шлагбауму и попросить сводить ее на карусель. Всю неделю он снится ей в виде большого мохнатого пса, который был ее первой и самой любимой игрушкой (игрушка куда-то подевалась после маминих похорон). Пес разговаривает с ней его голосом, обнимает ее и рассказывает про рай и озера – на Луне, на Сатурне и даже на Солнце. Ровный и немного ироничный голос сообщает ей снам покой и выдавливает из них черную пустоту, к которой она за свою жизнь в санаторно-лесной успела вполне привыкнуть.

Когда через неделю, в пятницу, в двадцать один, после окончания «забора» (папа снова не приехал) Яся стучится в сторожку, вместо студиозуса оттуда выходит одетый в синюю униформу с надписью «Охрана» мужик с прокуренными усами и в очках с оловянной оправой. Он говорит, что «этат малады» уехал, а почему уехал, не знает, скорей всего – «намалацил дзэнег на учобу», а может его уволила директор, и что он никому тут все равно не нравился за острый язык и «зловредный склад ума», и что он, мужик с прокуренными усами, на «вумника» в обиде за то, что тот назвал его «истуканом».

* * *

Душный коридор журфака БГУ. Портреты знаменитых выпускников на стенах. Все они – не журналисты, а писатели, поэты и члены Верховного совета. У стенда «Абитуриенту на заметку» толпа. Атмосфера, как на переполненной платформе подземки, где все ждут поезда, который никогда не приедет. Или приедет, но увидят его не все. Возможно, он уже приехал и забрал лучших с собой в интимную темноту тоннеля.

Девушки модельной внешности с укладками «как на свадьбу» и купленными в райпо вечерними платьями некрасиво размазывают по щекам слезы. Юноши косят под Игги Попа, Ника Кейва и академика Вернадского. И первые, и вторые, и третьи меняются в лице при грозовых отзвуках, доносящихся отовсюду: «осенний призыв», «военкомат», «медкомиссия».

Ясина фамилия – первая в списке поступивших, хотя она провалила собеседование по профпредмету, суть вопросов которого не поняла. Рядом с ее строчкой – приписка от руки, шариковой ручкой – «выделить комн. в студ. общежитии по ул. Первомайск. – протокол засед. профкома № 20133», хотя она не просила комнату в общежитии и собирается жить дома: от Тарасова до центра Минска – двадцать минут на маршрутке.

Внезапно откуда-то из глубин коридора доносится крик: женский голос выкрикивает ее фамилию так, будто от этого зависит жизнь кричащей. Многие абитуриенты оглядываются на этот крик – фамилия сделалась в городе слишком известной.

Она проталкивается по «перрону» и подходит к звавшей – это несчастного вида методистка факультета. Она бормочет: «Ну слава богу, нашлась! Вас к телефону требуют, это срочно! Срочно!» Яся ныряет в каморку методистки, отмечает несчастный электрический чайник, запыленный фикус, желтенькие обои, жакетик, от которого пахнет восьмидесятыми и старой девой, принимает трубку из ее рук и вслушивается в тишину на том конце провода.

– Здравствуйте. С вами сейчас будет говорить Сергей Юрьевич, – торжественно объявляет трубка голосом, в котором больше металла, чем женственности.

Сразу вслед за этим – голос отца:

– Ну привет... – Звучит так, будто он начал говорить и отвлекся на что-то, он так часто делает, общаясь с людьми.

– Привет, – пожимает она плечами.

– Мне тут... э... позвонил ректор ваш и сказал, что ты оказала ему честь, решив поступить в БГУ. – Пауза. Видно, Яся должна здесь начать что-то говорить, но она не знает, что. И ей не хочется. – Это правда? – спрашивает папа.

– Да. Правда, – снова пожимает плечами Яся.

– Ну, я рад, что ты поступила. – Последнее звучит как шутка. И он действительно смеется, добавив: – На бесплатное! С именной стипендией, как мне обещали!

Яся молчит. Она не знает, что говорить.

– Одного я как-то не понял, доча. – Слово «доча» звучит очень инородно. – Выбор факультета. Ты что, правда решила поступать на этот... На журфак?

– Ну да, – аккуратно отвечает Яся. – А что?

– А что ж со мной не посоветовалась?

«Потому что я не видела тебя два месяца, дорогой мой. А когда скреблась – даже не стучалась – скреблась, чтобы не слишком потревожить тебя и твою прекрасную белую дверь в мае, чтобы поговорить о будущем, ты, не открывая мне, крикнул: “Занят!” Крикнул как служанке, как кошке, так что же ты теперь хочешь?» – вот так нужно было ответить. Но так отвечать ему она разучилась. Да что там – никогда не умела она так отвечать своему отцу. Кажется, всего несколько человек во всей стране могли с ним так поговорить.

И она начинает униженно мямлить, отмечая, как ползет в сторону ее дикция, как сплющивается она под его властными, вескими репликами, как теряет остроту и резкость:

– Ну не знаю, пап. Это... Не получилось у меня как-то.

– Что же, давай мы тебя перекинем задником на какой-нибудь приличный факультет. Международные отношения подойдут? Будешь у нас дипломатом!

«Ага, дипломатом! И уеду далеко-далеко, на Огненную Землю, на мыс Горн, чтобы не напоминать тебе ни о себе, ни о маме, ни о флигеле, ни о той игрушке, большом мохнатом псе, которого ты мне подарил, а потом выкинул на помойку, вместе со мной», – продолжает она грубить папе, не раскрывая рта. Потом делает глубокий вдох и униженно выводит:

– Папочка, я все же осталась бы на журфаке, ладно?

– Но почему? Объясни! Зачем ты себе выбрала эту профессию? – наседают он.

Она вздыхает и формулирует, медленно и вдумчиво:

– Я хочу, наверное, жалеть тех, кого больше некому жалеть. И... защищать их.

– Тогда иди в солдаты. Или в Робин Гуды, – пытается он пошутить.

Яся протягивает трубку методистке, и та кладет ее на старенький аппарат – советская пластмасса цвета слоновой кости, трогательный диск с циферками. Яся находит чудовищное несоответствие в том, что голоса таких важных и влиятельных людей, как Сергей Юрьевич, могут передаваться всяким дребезжащим низкобюджетным электромеханическим хламом. С другой стороны, если бы ее каналом связи с отцом всегда был этот пахнувший проводами и изоляцией телефон, а не вечнозакрытая белоснежная дверь, она разучилась бы говорить с ним не раскрывая рта гораздо раньше.

* * *

– Объективность журналиста состоит во всесторонности... Всесторонности... Всосторонности... Как это сказать? Когда и к тем, и к другим... Значит... Раньше, еще совсем недавно, дорогие мои студенты, была партия, хотя вы этого можете и не помнить. Как она говорила, так и было объективно. Когда я работал на XIX съезде КПСС... Ну, это... А теперь у нас демократия и свобода слова... И объективность должна быть всесторонней. Всосторонней...

Большинство лекторов на факультете похожи на постаревшего Дмитрия Пригова, который перестал писать стихи, купил себе галстук и научил жену его завязывать. От них пахнет столовой, на переменах они шуршат пакетиками в портфелях и извлекают беляши, которые стыдливо поедают, словно бурундучки.

Яся уже поняла все про «всосторонность», она тайком пишет коротенькие эссе – про человека, который приручил чайку и научил ее говорить, про чудака, который ночует на раскаленных за день жестяных крышах, про тайны троллейбусных депо, про крохотных человечков, живущих в саксофоне у уличного музыканта – все это слишком трогательно, чтобы такое публиковать, да и как она сунется в журналы, с ее фамилией? Кроме того, ее писанина совершенно не всесторонна и даже не всосторонна.

* * *

Однажды она идет с факультета и замечает: улицы города вымерли. Она сворачивает в один переулок, не встречает там никакого движения – нет ни людей, ни машин; сворачивает в другой, оказывается на Маркса, выбирается по ней в мощный рукав, вьющийся по дворам в сторону проспекта, протискивается мимо открытых гаражей с брошенными полуразобранными «Жигулями» и «Волгами», мимо веранд кафе с остывающими чашками нетронутого

кофе, и оказывается на шестиполосной проезжей части, на поблескивающем солнцем асфальте, среди исправно работающих светофоров, которым некого останавливать, ибо нет ни пешеходов, ни даже велосипедистов.

Она беспечно бредет в сторону вокзала по разделительной полосе, воображая, что на город упала нейтронная бомба, и внезапно обнаруживает перед собой три ряда ОМОНа в черных шлемах с жестяными щитами, с дубинками наизготовку. Бойцы молчат и не шевелятся, как почетный караул. И лишь рации, включенные на полную мощность, оглашают окрестности каркающими командами, из которых следует, что сейчас то ли ОМОН пойдет в атаку, то ли, напротив, атака пойдет на ОМОН.

И тогда Яся разворачивается и изо всех сил бежит обратно к той арочке, через которую протиснулась на проспект, и видит, что тут, у арочки, двойное оцепление из людей в кожаных куртках с озабоченными лицами – настолько озабоченными, что к ним страшно даже близко подходить, и улица напротив перекрыта грузовиком, по сторонам от которого выстроился спецназ в черной униформе. И дальше она слышит рев, идущий снизу, от земли, от начавшего вдруг дрожать асфальта, и видит, что с другой стороны приближается людское море, толпа, в которой каждый явно кричит свое, издали производит гул, который сливается в одно сплошное «аааа!», и это «аааа!» становится громче и страшней при виде рядов ОМОНа. И когда она явственно понимает, что ей совершенно некуда бежать, что она надежно зажата и законопачена между двумя ненавидящими друг друга силами, ОМОН получает команду наступать.

По жестяным щитам грохочут резиновые дубинки, и эта канонада заглушает рев приближающихся людей: с каждым ударом ОМОН делает шаг вперед, и ясно, что эту поступь ничто не остановит – ни хемингуэевский «мотылек и танк», ни Яся. И вот, уже чисто инстинктивно, она вжимается в углубление между двумя пилястрами в сталинском доме, и твердыни сшибаются прямо перед ней с влажным хрустом. Она видит, как прямой удар срывает очки с мужчины, который держит плакат, где написана фамилия ее отца, ее фамилия; там написано что-то злое, очень злое, но плакат уже растирают по асфальту тяжелые берцы, вместе с его беспомощной злостью. Видит, как кому-то выбивают зубы. Видит, как эффективны усиленные металлические пластинами перчатки, как легко отбивают человеческую плоть металлические дырчатые щиты. Потом подъезжают автобусы с черной клеенкой на окнах и всех оставшихся лежать или сидеть или просто – оставшихся, не побежавших, принимаются паковать, деловито, как при уборке картошки, с такими же сугубо сельскохозяйственными звуками.

И удивительно, как эта суетливая зачистка совершенно минует Ясю – ни те ни другие не воспринимают ее как участника побоища, неподвижность выводит ее из видимого дерущимся мира.

Вечером она хочет рассказать об увиденном отцу, но он очень занят.

* * *

Любовь встречает ее на выходе из метро «Октябрьская» и на первый взгляд совершенно не похожа на любовь. Длинноволосый юноша стоит со стаканчиком взятого в «Центральном» кофе, курит и читает книжку в мягкой обложке. Проходя мимо, она замечает название – «Степной волк» Германа Гессе, и внезапно чувствует какое-то родство не столько с этим юношей, сколько с этой книжкой. «Я хотела спросить у вас, по поводу Германы», – обращается она к парню, но тот прохладно замечает: «Я пока не дочитал до конца и говорить ничего не могу». Ей внезапно нравится этот отстраненный ответ. В конце концов, любовь ведь, наверное, бывает и не с первого взгляда, говорит она себе – и предлагает зайти в «Центральный», где они едят бутерброды, состоящие из сухой пшты, корейской морковки, докторской колбасы и кетчупа, и Костик – а его зовут Костик (представляется Кастусём, хотя говорит по-русски) – продолжает

вести себя замкнуто и заносчиво: как раз так, как нужно для того, чтобы в тебя влюбилась трехкурсница – ну или решила, что влюбилась. Он отвечает лаконично, сообщает, что он юрист, готовится быть адвокатом и пишет стихи. На просьбу почитать стихи сразу же отказывается, и это снова нравится Ясе.

«Журфак – это не образование», – кривится он, услышав про ее альма-матер. «Зачем юристы в стране, где нет закона?» – отвечает она ему, по привычке не раскрывая рта.

Костик пухловат, у него усы цвета ржи, то есть, конечно, ржи, ржи цвета у него усы, но и рожа у него цвета ржи – серовато-бледная, с неожиданным багровым цветом губ, глаза чуть навывкате, как у потомственного австро-венгерского аристократа, успевшего слегка подмутировать от внутрифамильных браков, и он уже что-то задвигает про собственный аристократизм, про папу, который служит замминистра, про квартиру на Победы, про дачу в Крыжовке – и все это без спешки, с касанием габсбургской величественности, и каждое слово низводит Ясю до статуса замарашки, тряпочки без роду-племени, – а ведь она такая в чем-то и есть.

У него толстая шея, но ее барочные складки драпируются длинными соломенными волосами, у него прыщ на верхней губе, но он практически не виден за усами, в целом Костик скорее похож на степного теленка, чем на степного волка, но Яся рада, что он с ней говорит, пусть даже и равнодушно, слишком равнодушно. Вечером они идут в кино, и он – нет, не обнимает ее, но задумчиво гладит по ноге, хозяйственно так, как крепостную девку. Яся ожидает обещанного книгами возбуждения или хотя бы стука крови в ушах, но ничего этого не случается. Он приглашает ее домой, в свою квартиру под голубками на Захарова, «на послезавтра». «Предки будут на даче», – сообщает Костик и заглядывает ей в глаза. Яся делает вывод, что взгляд значит, что ей, похоже, нужно купить презервативы.

Она покупает презервативы – почти не краснея, затем, почему-то краснея гораздо больше, покупает новые трусики, красного цвета, с кружевами, потому что из старых торчат нитки и их будет неудобно не снимать; на лифчик денег не хватает, и она надевает блузку без него. Она приходит к Костику в номенклатурную квартиру, сбивчиво объясняется с консьержем, который строг, как охранник на входе в публичный дом, она сбрызгивает себя духами перед тем, как позвонить – потому что блузка мокрая подмышками.

Дальше она закидывает ногу на ногу, громко смеется, придает своим глазам влажный вид – только для того, чтобы скрыть дрожь в кончиках пальцев и сотрясения жути в животе. На столе стоит четыре бутылки пива – почему-то именно на столе, а не в холодильнике, Костик как будто показывает сразу серьезность своих намерений: мы выпьем четыре бутылки пива, а потом я пойду тобой пользоваться.

Она пьет кислое пиво, смотрит на него и пытается представить про себя фразу «Мой Костик». Он так же неприступен и далек, как и при первой встрече, хотя пытается вернуться к разговору о Гермине, он запускает себе пятерню в волосы, приподнимает их над головой и роняет, получая видимое удовольствие от того, каким красивым себя считает. Пивная пена повисла на рже, он вытирает ее рукой, а затем глубоко затыгивается и выдыхает дым, откидывая голову. Затем, когда первая уже допита, а вторая еще нет, он оказывается рядом на подлокотнике, снова гладит ее по ноге, потом начинает трогать грудь, особенно останавливаясь на соске, таком доступном без лифчика, Яся выгибается, чтобы показать все в выгодном свете, но на его лице написано, что он делает ей большое одолжение. В конце концов, потомок Габсбургов – и какая-то безродная ветошь. Она почти прочитывает в его глазах: ножки у тебя, девочка, коротковаты, носик картошечкой, грудь небольшая и при том какая-то рыхлая – все то, что она себе много раз говорила, стоя перед зеркалом и замирая, в надежде на то, что кто-нибудь когда-нибудь найдет в этом красоту.

После второй пива ей хочется писать, но писать нельзя, потому что он уже взял ее за руку и ведет, трясущуюся крупной дрожью, в спальню; он уверен в том, что Ясю колотит от желаний, хотя откуда тогда струи ледяного пота, ледяные пальцы, пересохшие в страхе губы.

И вот тут, на родительских простынях, он обнажает свою вяловатую прелесть и эффектно разрывает ее трусики – наш степной теленок – настоящий самец, на трусики ушел остаток стипендии и следующее свидание теперь возможно только через две недели.

И дальше он что-то там трогает, что-то не до конца изученное самой Ясей, трогает, впрочем, без особого интереса, хотя трепетный испуг девочки начинает его наконец распалать, и Яся откидывается на подушку, смотрит на далекий потолок, на возню фар по карнизам и чувствует, что вся ее жизнь – за редкими исключениями, за несколькими буквально минутами, была какой-то картонной подделкой, плохо сыгранной сценой, едва замаскированной паузой между двумя ненаступившими действиями.

Когда он забирается и начинает, пыхтя и отдуваясь, двигаться, причиняя сначала острую, а потом тупую боль, она все ждет, что это чувство отступит – чувство того, что жизнь, ее жизнь, все никак не начнется, что она все ждет окончания увертюры и начала арии героя, а герой не приходит или приходит и оказывается не героем, а тельцом, и ничего вообще настоящего вокруг – только бутафория. И она не сразу слышит его за своими мыслями, когда он в ужасе пищит: «Бля! Тут кровь! Ты что... Была?..», – и ей уже совсем не страшно, скорей как-то равнодушно – она улыбается и выдает что-то про «эти самые дни».

Дальше он все никак не может разрешиться, они прерываются и она, глядя на его поленькие, как колонны провинциального цирка, ножки, вспоминает из Бродского, про белые колени на мокрых простынях, и удивляется, что колени там, конечно, имелись в виду женские, и вдруг такое попадание в эти вот конкретно колени, в эту успешную уже надоесть возню. И когда он уже, кажется, готов продолжать – а она осмелела до того, что собирается перед этим попроситься пописать, в коридоре вспыхивает свет и слышится мокрый шелест снимаемых плащей.

– А где Котя? – спрашивает властный женский голос, подкрепляемый постуком каблучков по паркету, и мужчина в ответ бубнит ей что-то невнятное, так, что непонятно даже, кто в этой семье замминистра.

Ясю тем временем осеняет пониманием, почему юный Габсбург представился таким неподобающим ему Кастусём, почему не Константином например – он хотел отползти как можно дальше от этого мамино Коти, смешного, надо признать, – все это она думает, лихорадочно застегивая крохотные пуговицы блузки, и пальцы, как в страшном сне, не попадают, не справляются, и трусики не надеть никак – они разорваны теленком надвое, поэтому она торопливо натягивает брюки, звук молний, ее и Котиной, слишком явственнен, а родителей привлекает кухня – мама восклицает что-то про пиво, брезгливо звенят бутылки, она, кажется, сильно удивлена тем, что юный Габсбург знает, как открывается пивная тара, и когда они уже полностью застегнуты, они выскакивают из спальни и изловлены в холле, всклокоченные и измятые, и замминистра начинает улыбаться, причем лишь одним углом губ, второй остается по-габсбургски серьезным, а жена замминистра сразу проблематизирует ситуацию, сразу пускается в крик.

– Это что это такое, Котя? – спрашивает она. – Это ты пиво пьешь, значит? Это тебя вот эта, значит, подпаивает?

На ее лице – такое выражение, будто ее любимый породистый красавец, стрелоподобная русская борзая, только что смешал свою кровь с какой-то блошистой бродягой, причем скандал случился на глазах у всего салона.

– Кто это такая? Кто, я тебя спрашиваю? – Она обращается к теленку, но теленок полностью парализован. Он не может ни говорить, ни думать, его рот приоткрыт, а грудь вздымается часто-часто. После таких залетов юноши теряют интерес к девушкам на всю жизнь.

Шок Коти передается Ясе, к тому же – яркий свет и двое одетых взрослых, и она пытается заступиться за него и за себя и тараторит:

– Вы только не волнуйтесь, главное! Это совершенно не то, что вы подумали! Мы просто разговаривали! О Германе Гессе! И о жизни!

Паркет под ногами изображает землетрясение, стыд и испуг сплетаются в ледяной клубок под пупком. К тому же ей по-прежнему очень хочется писать.

– Кто ты такая? Откуда взялась? – допрашивает жена замминистра.

Ее интересует все. Сейчас она спросит, где она купила Коте пива и не открывала ли его об ореховую столешницу столового гарнитура.

– Я? – переспрашивает Яся, с трудом отвлекаясь от кружащегося под ногами паркета. – Я кто? А вы не знали? Я, конечно, его сестра!

– Сестра! – начинает в голос смеяться папа. – Она – его сестра! Сестра, понимаешь?

До Яси доходит, что родители – не те люди, которым можно рассказывать про количество детей в их семье, и ей вдруг становится сложно просто стоять ровно, она сгибается, хватается свои туфли и убегает прочь, босиком по величественным бетонным ступеням, думая об одном – только бы не описаться на паркете Габсбургов.

* * *

Маршрутка на Тарасово отправляется с изнанки железнодорожного вокзала: промозглая консервная банка, похожая скорей на мчащийся через город пустой пулеметный ящик, нежели на обещанную названием газель; она вся переполнена «Русским радио», радио вываливается из нее, торчит и свисает. Между кольцевой и поворотом на коттеджный городок – мертвая зона, там водитель переключает на диск, и это всегда одна и та же песня: «Сникерсы, сникерсы, сникерсы-уикерсы; Баунти, баунти, баунти-уяунти». От остановки до дома двадцать минут через лес – как раз достаточно, чтобы успеть прослушать «Wish you were here» и «Shine on you crazy diamond». Иногда Яся заговаривает с Сидом Барретом – как и всем в ее возрасте, ей кажется, что строчка «You reached for the secret too soon» в равной степени относится и к ней, к Ясе, а это делает их с Барретом родственными душами.

* * *

Она ни на секунду не забывает про Озеро Радости. Ни на секунду.

* * *

На участке появляется патио с бассейном трансформируемой формы, лежа в котором можно наблюдать через хрустализированное сверхпрозрачное стекло, как по небу тянутся облака: тетя Таня любит пропадать тут с бутылкой «Вдовы Клико». Она зовет «Ядвига» «помокнуть» и «дернуть по мозгу пузырьками», но Яся приветливо отказывается: ее имя в паспорте пишется как «Янина» и никакой Ядвигой она никогда не станет даже во имя мира и взаимопонимания в том, что тетя Таня называет семьей. Дом в центральной своей части получает еще один этаж с балюстрадой, идущей вдоль шести гостевых спален. Однажды, опять же после шампанского, тетя Таня разрешает ей вселиться в одну из этих спален, «там же все новое», но Яся остается во флигеле.

Она спит на старенькой кровати, сделанной еще до наступления эры ортопедических латексных матрасов, она штопает коттоновое постельное белье из детства, не позволяя тихой

эфиопке Лауре, которая присматривает за этой частью дома, устроить в ее кровати прохладный сатиновый уют; она держится за старенькие шторы и мебель из клееного ДСП. «Развела ты там у себя девяностые», – ворчит тетя Таня и очень напрягается, когда Яся просто проходит мимо нее, не говоря ни слова. Иногда она слышит обрывки разговоров тети Тани с папой в его неприступном белом кабинете – эхо гулко доносит уже знакомые «эта маленькая прош-мандовка», «коррида», «дать под жопу», «блочная одна на Каменной горке».

Предложения «помокнуть» и «дернуть по мозгу пузырьками» звучат из патио так же часто, как и раньше, и произносятся не менее хрустальным голосом.

Иногда, ложась спать, она забывает выключить ночник, пришедший как будто из другой эпохи, когда красоты и изящества в доме было вдоволь. Тогда – в ту пору, когда ты не можешь отличить сон от яви, морок от собственных мучительных мыслей, – Ясе кажется, что в комнате, шепнув платьем, появляется безмолвная фигура с волосами, убранными на затылке в узел, обнажив тонкую белую шею. Фигура неслышно усаживается в ногах и подтыкает одеяло, и сон становится особенно крепким и спокойным. Ночник с утра встречает проснувшуюся Ясю зажженным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.